

Научная статья
УДК 821.161.1
DOI 10.18101/2686-7095-2024-3-74-82

ИМЕНОВАНИЕ ЛИРИЧЕСКОГО ГЕРОЯ В ПОЭЗИИ Н. ТУРОВЕРОВА

© **Иванов Кирилл Геннадьевич**
независимый исследователь,
Россия, 241036, г. Брянск, ул. Бежицкая, 14
ivanovkirill2010@yandex.ru

Аннотация. Идиостиль Н. Тuroверова воплощает особенности менталитета донского казачества. Мироощущение лирического героя чаще всего совпадает с мировосприятием автора в стихотворениях. Поэт не принимает обозначение прощания с Россией как эмиграции, вкладывая в эту лексему отрицательные коннотации. Творческая индивидуальность поэта-казака, поэта-воина определила именование лирического героя: скиталец, пилигрим, казак, поэт, певец. Его герой нашел свой истинный путь пилигрима, возвращающегося к родным станицам, и это путь поэтический. Данный подход и обозначил особенности воплощения мотива прощания с Россией — прощание с вечной надеждой на возвращение. Именование лирического героя Н. Тuroверова сформировалось под воздействием классической традиции, казачьего и эмигрантского контекстов. Эти художественные векторы и определили взаимодействие и оппозиция различных семантических единиц, обозначающих название лирического героя.

Ключевые слова: Н. Тuroверов, первая волна эмиграции, казачество, классическая традиция, православие, дистих, казак-поэт, воин-поэт, лирический герой, идиостиль, концепт.

Для цитирования

Иванов К. Г. Именование лирического героя в поэзии Н. Тuroверова // Вестник Бурятского государственного университета. Филология. 2024. Вып. 3. С. 74–82.

Введение

Творчество Николая Николаевича Тuroверова, русского поэта эмиграции, еще не стало предметом анализа литературоведов. Книжных изданий о его творчестве мало, они в основном ограничиваются предисловием к сборникам стихов поэта. Основная же масса информации о Н. Тuroверове — это статьи на просторах интернета, которые в большинстве своем повторяют биографическую канву его жизни. С началом XXI в. ситуация несколько изменилась — стали появляться работы по разделу «литературоведение», исследующие хронотоп, концепт «дом», «крымский текст», классическое и христианское мировосприятие в лирике Н. Тuroверова [14–20]. В 2019 г. была защищена единственная на данный момент диссертация А. Кротовой по творчеству поэта-казака [6]. Между тем назрела необходимость поставить вопрос об особом типе творческой индивидуальности

Н. Тuroверова — «союзе меча и лиры». Такой подход позволит обозначить параметры, воссоздающие координаты целостного художественного мира поэта, выявить основные мотивы его творчества, эстетические параметры его произведений, историко-литературный контекст. Немаловажное место среди очерченных проблем занимает и вопрос об именовании лирического героя в поэзии Н. Тuroверова. Для лирики казака-воина-поэта изучение своеобразия художественного сознания автора и его поэтической системы будет напрямую связано с проблемами, поставленными в статье. Это и определяет актуальность, цели и задачи исследования: рассмотреть именованье лирического героя как параметр, позволяющий охарактеризовать художественную систему и мотивную структуру лирики Н. Тuroверова, выявить особенности казачьего контекста творчества М. Шолохова, Ф. Крюкова, Н. Тuroверова и других донских поэтов и писателей и, шире, литературы эмиграции первой волны, зону контактов с русским классическим наследием. Анализ проблемы, поставленной в статье, обозначил использование историко-культурного, сравнительно-сопоставительного, культурологического, контекстуального и семантического методов и подходов.

Результаты

Мотив прощания с родиной был частотным для русской прозы и поэзии писателей белой гвардии. Расставанию с Россией посвящены произведения В. Набокова — стихотворение «Расстрел» (1927), роман «Подвиг» (1932); стихотворения Г. Адамовича «Когда мы в Россию вернемся...»; Ю. А. Терапиано «Я болен. Не верится в чудо...», «Под музыку шла бы пехота...»; В. С. Булич «Сквозь швы и трещины ленты...». Этот мотив в произведениях, отмеченных выше поэтов и писателей, реализуется через попытку определить, каков их статус после расставания с Россией: изгнанники, скитальцы, эмигранты, пилигримы? Крылатая фраза: «Мы не в изгнании, мы в послании», как отмечают исследователи, принадлежащая З. Гиппиус, а уже за ней повторенная Н. Берберовой, создавала для эмигрантов первой волны веру в утопическую сверхмиссию — культивирование русского менталитета и распространение русской культуры за рубежом. Отметим, что Н. Струве в статье «Духовный опыт русской эмиграции» приводит другие первоисточники этой крылатой фразы: «Но, как неоднократно повторял Николай Бердяев, эмиграция не изгнание, а посланничество, а точнее, изгнание для посланничества». Это были слова, которые замечательный московский старец о. Алексей Мечёв на Маросейке сказал изгнанному из России свободному философу. Бердяеву ужасно не хотелось уезжать, а о. Алексей ему сказал: «Езжайте смело. Вы посланы, чтобы Запад услышал Ваше слово» [9, с. 297].

Бунин в своей речи, произнесенной в Париже 16 февраля 1924 г. о миссии русской эмиграции, подчеркнул: «Мы эмигранты, слово «emigrer» к нам подходит как нельзя более. Мы в огромном большинстве своем не изгнанники, а именно эмигранты, то есть люди, добровольно покинувшие родину» [2, с. 148]. Н. Тuroверов в лирике лишь один раз использует концепт «эмигрантский» в стихотворении «У отцов свои преданья...» (1963). По содержанию произведения очевидно, что поэт

вкладывает отрицательные коннотации в его употребление: «У отцов свои преданья, / У отцов свои грехи: / Недостроенные зданья / Непрочтенные стихи. И ни в чем уже не каюсь, / крестя иль не крестя, / Подрастает, озираясь, / Эмигрантское дитя» [10, с. 215]. Стихотворение сознательно построено Н. Туроверовым обобщенно, лишено конкретики, смысл затемнен: отцы, упомянутые в нем, могут восприниматься и как отцы покинувших Россию, и как отцы нового поколения, родившегося в Европе. Поэтический вывод позволяет и предков, и их потомков считать детьми эмиграции — генерацией добровольно покинувших родину. Для Н. Туроверова, и в этом с ним максимально сближенным лирическим героем, такое мироощущение неприемлемо. Воин-поэт, до конца сражавшийся с красными, считает, что добровольно оставить родные станицы — позор. Н. Туроверов, как и его лирический герой, не приемлет не только смысл, вложенный Буниным в слово эмиграция, но, очевидно, и слово чуждо его лексикону. Воин-поэт остается навсегда верен высокому «званию» донского казака: «Но в разлуке с тобой не прощаюсь, / Мой далекий отеческий дом, — / Перед Господом не постесняюсь Называться донским казаком» [10, с. 143].

Для Н. Туроверова исход из России — это прощание с вечной надеждой на возвращение. В стихотворении «Поход» (1939) поэт так и называет расставание с родными станицами — «исход»: «Дойдем, не считая потери, / На третий ли, пятый ли год. / Не будем мы временем мерить / Последний казачий исход» [10, с. 100]. В контексте стихотворения поэт вкладывает в это слово не библейский, а общеупотребительный смысл, включающий два противоположных значения: начало, исток (применительно к лирике Н. Туроверова: прощание с Россией) и окончание, завершение начатого (в этом же контексте — возвращение на родину).

Другие же поэты первой волны (Г. Адамович и др.) трактуют свое расставание с Россией как изгнание и скитальчество: «За все, за все спасибо. За войну, / За революцию и за изгнанье, / За равнодушно-светлую страну, / Где мы теперь «влачим существованье». / Нет доли сладостней — все потерять, / Нет радостней судьбы — **скитальцем** стать, / И никогда ты к небу не был ближе, / Чем здесь, устав скучать, / Устав дышать, / Без сил, без денег, / Без любви, / В Париже...» [1, с. 77]. Лирический герой Н. Туроверова также осмыслен автором в двух ипостасях «скитальца» и «пилигрима» в стихотворениях «В горах» (1923) и «Париж» (1928): «Попутчик мой сказал: “Аллах / Хранит в дороге **пилигрима**”»; «Когда, стучась в чужие двери, / Мы просим временный приют — / Своих страданий **пилигримы**, / **Скитальцы** не своей вины. / Твои ль Париж закроют дымы / Лицо покинутой страны / И беспокойный дух кочевий; / Неповторимые года / Сгорят в твоём железном чреве / И навсегда, и без следа» [11, с. 19, 25–26]. В приведенных лирических произведениях пилигрим и скиталец для поэта синонимы: вынужденно покинувший родину и живущий по воле Бога. Концепт «пилигрим» будет также употреблен Н. Туроверовым в стихотворении «Ветер был мутнее снега» (1938); и дистихе «**Пилигрим**» (1941, 1940) («Вечер был мутнее дыма, / Ветер снежен, путь далек, / И простого **пилигрима** / Приютить велел пророк»; «Выведут

к просторам всех дорог / И, прощаясь, скажут: «Ты убог, / Но теперь ты Господом храним, / Лишь Ему подвластный **пилигрим**», «Но просветленная любовь / К земле досталась мне не даром — / Господь разрушил отчий кров, / Испепелил мой край пожаром, / Увел на смерть отца и мать, / Не указав мне их могилы, / Заставил все перестрадать, / И вот, мои проверя силы, / Сказал: «Иди сквозь гарь и дым; / Сквозь кровь, сквозь муки и страданья, / Навек бездомный **пилигрим** / В свои далекие скитанья, / Иди, мой верный раб, и пой / О Божьей власти над тобой» [11, с. 65, 113–114].

После 1920-х гг. определение лирического героя как пилигрима появится в стихах Н. Тuroверова только через десять лет, в 1930-е – 1940-е гг. Указание на восточное происхождение пилигрима в этих стихах является не только этнонациональной, экзотической деталью, теперь это мета восточного происхождения героя (в первом) и лирического «я» (во втором) дистихе. В лирическом произведении «Пилигрим» меняется направленность пути пилигрима – это путь назад, к святым родным местам, отчому крову. Отметим, что первым в дистихе расположено стихотворение 1941 г., а вторым — 1940, хотя по хронологии должно быть наоборот. Однако выбранная автором композиция призвана прояснить смысл написанного: возвращение сквозь кровь, муки и страдания — это возвращение к творчеству о покинутой родине в грозные для нее годы Второй мировой («иди... и пой / О Божьей власти над тобой»). Ситуационно стихотворение восходит к «Пророку» А. С. Пушкина. Лирический герой дистиха Н. Тuroверова также превращен волей и словом Господним: «Мне сам Господь налил чернила / И приказал стихи писать. / Я славил все, что сердцу мило, / Я не боялся умирать, / Любить и верить не боялся, / И все настойчивей влюблялся / В свое земное бытие. / О, счастье верное мое! / Равно мне дорог пир и тризна, / — Весь Божий мир — моя отчизна!» [11, с. 65, 113]. И начавшаяся война, по Божественному завету, уже не воспринимается как месть, как желание захватить когда-то родную страну. Долг перед родиной для лирического героя теперь в другом — в озвучивании Божественного слова. Лирический герой нашел свой истинный путь пилигрима, возвращающегося к родным станциям, и это путь поэтический. Именно поэтому в словах Господа и назван лирический герой «навек бездомный пилигрим». Подчеркнем, что концепт «скиталец», кроме стихотворения «Париж», больше в лирике Н. Тuroверова не появится.

Контекст именованья лирического героя Н. Тuroверова, так или иначе связанных с концептосферой первой волны эмиграции, реализуется и в сквозной для лирики поэта лермонтовской традиции. Первые строки стихотворения «Так кто же я? Счастливый странник...» (1941) — реминисцентный парафраз монолога лирического героя элегии «Нет, я не Байрон, я другой» М. Ю. Лермонтова («Так кто же я? Счастливый странник, / Хранимый Господом певец, / Иль чернью проклятый изгнанник, / Свой край покинувший беглец?» / «Нет, я не Байрон, я другой, / Еще неведомый избранник, / Как он гонимый миром странник, / Но только с русскою душой») [10, с. 103; 7, с. 377]. В стихотворении Н. Тuroверова два концепта с положительными коннотациями и два с отрицательными. Слово «странник» поэт

больше не будет употреблять в своих стихах, однако, учитывая эпитет *счастли- вый*, можно отметить в лексеме гумилевское значение — *homoviator* (человек пути, путешествующий), что подтверждается скрытой отсылкой туроверовского текста к стихотворению «Заблудившийся трамвай» Н. Гумилева («Так что же мне? Почет иль плаха, / И чей-то запоздалый плач, / Когда в толпу швырнет с размаха / Вот эту голову палач» / «В красной рубашке, с лицом, как вымя, / Голову срезал палач и мне, / Она лежала вместе с другими / Здесь, в ящике скользком, на самом дне») [10, с. 104; 3, с. 82]. К концепту «странник» примыкает и второй любимец Фортуны, по-туроверовски, — певец-поэт, выполняющий Божественное предназна- чение. А вот второй лексемный ряд стихотворения не актуален для казачьего мировосприятия Н. Туроверова и его лирического героя: проклятия черни абсо- лютно не имеют значения для донцов, презирующих «иногородних», по их терми- нологии, как не признают своего бегства от красных до конца сражавшиеся истин- ные прирожденные бойцы, воплотившие «казачью удаль». Отрицательные коннотации понятия «изгнание» поэт еще раз акцентирует в «Сказке» (1943). Князь Никита, утративший казачий дух, жалуется на изгнание: «Сколько было пере- жито, — / Продолжает князь Никита: / Сколько разных грез и слез / Я в изгнании перенес!..» [10, с. 247].

Наиболее частотно и максимально идентифицирует личность Н. Туроверова и в этом случае полностью сливающегося с ним лирического героя концепт «казак». В идиостиле поэта данная лексема выступает как идиоглосса его творчества и близких по ментальности донцов, причем не только писателей и казачества первой волны, оказавшихся за пределами родины, но и казаков, перешедших на сторону большевиков и оставшихся в СССР (характерный пример М. Шолохов [4]). Слово «казак», безусловно, является концептом, по определению исследователя, «сгуст- ком культуры в сознании человека», для мироощущения и по семантической зна- чимости в произведениях Н. Туроверова [8, с. 40]. В его лирике слово «казак» упо- требляется 78 раз, учитывая и его разные падежные формы, и лексемы *казаки*, *казачка(и)*, *казачество* (2 раза), *казачата* и единожды употребленные *лейб-казак* и *казаче-конный силуэт*. Кроме того, прилагательное *казачий* и его формы обра- зуют сочетание с различными существительными, прежде всего имеющими отно- шение к воинской области (коней, земля (3 раза) /земель, разбой, размах, женскую долю, погонь, судьбы (2 раза), лампас, лиц, рассвета, лавы (2раза), славы (3 раза), стан (2 раза), кости, игрушка, утеха, разъезд, старины, Престол Покрова (2 раза), любовь, сердце, исход, крови (4 раза), донским, край, доли, дети, песня (3 раза), генерал, вольная походка, знамя, парче, письма, стремя, шлях, не казачье — знамя, тело, простоте, честь (2 раза), рек) — итого 55 раз. Следует отметить и метонимии, замещающие слово «казак(и)», — «однополчанин», «брат», «зерна», «дети верные войны» [10, с. 216]. Концепт *казак* реализуется в системе идиостилевых средств Н. Туроверова (Бог и Господь (41 раз), Россия и его производные (35 раз), курень (8 раз) и синонимичные дом / кров (35 раз), станицы (24 раза), атаман (5 раз), уряд- ник (3 раза), земля (21 раз и многочисленные ее обозначения в диалектах донцов),

Дон и его производные (58 раз), прошлое (5 раз), отец (21 раз), путь (37 раз)). У поэта концепт *казак* определен христианским мировидением, общностью истории, хронотопами Дона и степи, воинским началом, казачьей кровью и духом, верностью традициям донской земли и войска Донского.

Ядерное лексическое значение концепта в творчестве Н. Турoверова накладывается и на глагол «казаковать», обобщающий все наиболее важные значения приведенных выше слов («И надо не страшиться помирать, / И знать, за что еще придется биться. / У нас ведь есть глагол: “казаковать”, / Что значит: никогда не измениться») [10, с. 253]. Отметим, что в романе «Тихий Дон» М. Шолохова глаголы *казаковал*, *казакует* относятся к описанию природных явлений, а фраза из приведенной второй пейзажной зарисовки о мертвой степи акцентирует шифр: не осталось истинных донцов, соответствующих священным традициям Великого войска Донского («Меж туч казаковал молодой желтоусый месяц»; «Казакует по родимой степи восточный ветер. Лога позанесло снегом. Падины и яры сровняло. Нет ни дорог, ни тропок. Кругом, наперекрест, прилизанная ветрами, белая голая равнина. Будто мертва степь») [13, т. 1, с. 336; т. 3, с. 124]. Отметим, что значение глагола «казаковать» (никогда не изменится) у Н. Турoверова полемично по отношению к роману «Поднятая целина» М. Шолохова, в котором Кондрат Майданников перестроился: из донца стал колхозником («Был он по отцу донским казаком, а теперь — колхозник») [13, т. 5, с. 125]. Для Н. Турoверова и его лирического героя в чужой стране самое важное навсегда остаться донским казаком, не изменить себе. Поэтому в стихотворениях о буднях Франции донец всегда предстает совершенно инородным для европейской цивилизации («Казался он уродом / С кудлатой бородой. / Сияла в нем природа / Звериной красотой. Не ведал лицемерий / В казачьей простоте / И верность старой вере / Носил на высоте. Железный сын эпохи, / Гоня чертей окрест, / Струею рома в кофе / Всегда он делал крест») [10, с. 59]. «В европейском ласковом плену» — таково мироощущение лирического героя [10, с. 228]. В поэме «Легион» он именуется после сражений в отрядах Французского иностранного легиона, возвращаясь из Африки в Европу, «пленником Европы» («Снова стану пленником Европы / В общечеловеческой судьбе») [10, с. 128].

Поэтическая мысль Турoверова отражает специфику мышления казачества, положение в эмиграции осознается им в военных терминах донцов — плен. В смысловом поле концептов *казак*, *казаковать* функционируют и имена казачьих героев прошлого из стихотворений и поэм Н. Турoверова, составляющие воинскую славу донцов (Платов, Бакланов, Серко и др.). В художественной «презентации» автором лирического героя лексема *казак* соединена с поэтом (15 раз использована в текстах) и связанными с ней идиостилевыми лексическими единицами: песня, петь. «Мне приказано было сидеть вместе с сыном Парнаса и толковать ему, что

“поэт” и “поет” у нас одно и то же», — фиксирует взаимосвязь двух слов автор в прозаическом повествовании «Конец Суворова» [10, с. 277]¹.

Автор книги «Поэзия белой эмиграции» Ю. В. Зобнин подчеркивает: «Подавляющее большинство русских в Германии не мыслили себя эмигрантами. Это были именно беженцы, покинувшие Россию либо не по своей воле (военнопленные), либо силою непреодолимых исторических обстоятельств, спасаясь от ужасов Гражданской войны, то есть от террора как такового (красного, белого, зеленого — все равно), голода и невыносимых лишений военного быта» [5, с. 31]. Это же мироощущение и пронизывает лирику Н. Туроверова и восприятие его лирического героя.

Заключение

Подведем итоги проведенного исследования. Для казачества, сражавшегося с красными, расставание с Россией было, пожалуй, более трагично, чем для других сословий. Донцы не только утратили привычный домашний быт, как и другие эмигранты, они профессиональные воины, с детства воспитанные на легендах о победной казачьей славе и с малых лет готовившиеся к сражениям, но потерпели поражение и лишились родных станиц. Это и определило их изначальный шок от потери вольной степи и Дона-батюшки, казачьих привилегий (ношение оружия, особой одежды, формы правления, расставание с конем и т. д.) и одновременно в душе донцов вызревала жажда реванша. Прощание с Россией и надежда на возвращение к родным станицам определили мироощущение донцов и, в частности, Н. Туроверова. В этой кипящей атмосфере амбивалентных чувств и формировалась творческая индивидуальность казака-поэта, явившая себя в союзе меча и лиры. Творчество Н. Туроверова развивается в рамках традиционной художественной системы, в отличие от литературы городской, подверженной воздействию модернизма и позже постмодернизма [12, с. 62–77]. Все сказанное и определило парадигму именовании лирического героя: от классического до казачьего и эмигрантского контекстов.

Литература

1. Адамович Г. В. Полное собрание стихотворений. Санкт-Петербург: Академический проект, Эльм, 2005. 400 с. Текст: непосредственный.
2. Бунин И. А. Публицистика 1918–1953 годов. Москва: Наследие, 2000. 635 с. Текст: непосредственный.
3. Гумилев Н. С. Полное собрание сочинений: в 10 томах. Т. 4. Стихотворения. Поэмы (1918–1921). Москва: Воскресенье, 2001. 394 с. Текст: непосредственный.
4. Давыдова О. А. Лексика и фразеология, отражающая этнографию донских казаков, в художественных текстах М. А. Шолохова // Этнолингвистика и лингвокультурология художественных текстов Михаила Шолохова: монография. Москва: Изд-во Моск. пед. гос. ун-та, 2015. С. 13–209. Текст: непосредственный.

¹ Функции мотива народного пения подробно проанализированы в работе А. Кротовой «Фольклорные традиции в поэзии Н. Н. Туроверова». Исследователь отмечает, что поэт вводит в эпиграфы и тексты народные казачьи песни, расширяющие сферу использования лексикона донцов, приводит примеры [6, с. 58–60].

5. Зобнин Ю. В. Поэзия белой эмиграции. «Незамеченное поколение». Санкт-Петербург: Изд-во СПбГУП, 2010. 251 с. Текст: непосредственный.
6. Кротова А. А. Фольклорные традиции в поэзии Н. Н. Туроверова: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Москва, 2019. 214 с. Текст: непосредственный.
7. Лермонтов М. Ю. Полное собрание сочинений: в 10 томах. Москва: Воскресенье, 2000. Т. 1. 504 с. Текст: непосредственный.
8. Степанов Ю. С. Константы: словарь русской культуры: опыт исследования. Москва: Языки рус. культуры, 1997. 824 с. Текст: непосредственный.
9. Струве Н. А. Православие и культура. 2-е изд., испр. и доп. Москва: Русский путь, 2000. 632 с. Текст: непосредственный.
10. Туроверов Н. Н. Двадцатый год — прощай, Россия! Москва: Планета детей, 1999. 304 с. Текст: непосредственный.
11. Туроверов Н. Н. Возвращается ветер на круги свои...: стихотворения, поэмы. Москва: Художественная литература, 2010. 414 с. Текст: непосредственный.
12. Шаравин А. В. Городская проза 70–80-х годов XX века: монография. Брянск: Изд-во БГПУ, 2000. 388 с. Текст: непосредственный.
13. Шолохов М. А. Собрание сочинений: в 8 томах. Москва: Художественная литература, 1985–1986. Текст: непосредственный.
14. Халяфкаева А. И., Божкова Г. Н. Виды хронотопов в поэтическом наследии Н. Н. Туроверова // Филология, искусствоведение и культурология: актуальные вопросы и тенденции развития: материалы международной заочной научно-практической конференции. Новосибирск: СибАК, 2013. С. 133–138. Текст: непосредственный.
15. Афанасьева С. И. Традиционность и динамика концепта «дом» в лирической системе Н. Туроверова // Концепт «дом» в русской лирике первой волны эмиграции: крымский дискурс: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Симферополь, 2014. С. 131–137. Текст: непосредственный.
16. Науменко-Порохина А. В. Крымские мотивы в лирике Н. Туроверова 20-х годов. (Сборник «Путь» — Париж, 1928 г.) // И. С. Шмелев и литературный процесс XX–XXI вв.: итоги, проблемы, перспективы. Москва: Российский фонд культуры (программа «Российский архив»), 2004. С. 262–265. Текст: непосредственный.
17. Дубинец З. Крымский топос в творчестве Николая Туроверова и Ивана Савина // Перекоп — ворота в Крым: материалы II Международной научно-практической конференции. Армянск, 2015. С. 3–11. Текст: непосредственный.
18. Галаганова С. Г. «А я рожден в просторе диком...» Блоковские мотивы в поэзии Николая Туроверова // Альманах «Казачество». 2015. № 12. С. 25–31. Текст: непосредственный.
19. Лапаева Н. Б. Мотив «ухода из Крыма» в поэзии русской эмиграции 1920–30-х годов // Вестник Челябинского государственного университета. 2008. Вып. 26. № 30(131). С. 80–86. Текст: непосредственный.
20. Кротова А. А. Особенности христианского мировосприятия в лирике Н. Н. Туроверова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 9(75). Ч. 2. С. 34–36. Текст: непосредственный.

Статья поступила в редакцию 06.09.2024; одобрена после рецензирования 05.10.2024; принята к публикации 14.10.2024.

NAMING OF PERSONA IN N. TUROVEROV'S LYRICS

Kirill G. Ivanov

Independent Researcher,

14 Bezhitskaya St., Bryansk 241036, Russia

ivanovkirill2010@yandex.ru

Abstract. N. Turoverov's idiostyle embodies the peculiarities of the Don Cossacks' mindset. The persona's world perception in his poems most of all coincides with the author's view of life. Turoverov does not accept the denomination of a farewell to Russia as emigration, putting across negative connotations in this lexeme. The creative individuality of the Cossack poet, the warrior poet determined the naming of his character: wanderer, pilgrim, Cossack, poet, singer. Turoverov's persona found his true path as a pilgrim returning to his native villages, and this path is poetic. This approach also determined the peculiarities of the motive of a farewell to Russia as a farewell with eternal hope of return. The naming of N. Turoverov's persona was formed under the influence of the classical tradition, Cossack and emigrant contexts. These artistic vectors determined the interaction and opposition of various semantic units denoting the name of the persona.

Key words: N. Turoverov, the first wave of emigration, Cossacks, Orthodoxy, distich, classical tradition, Cossack poet, warrior poet, persona, idiostyle, concept.

For citation

Ivanov K. G. Naming of Persona in N. Turoverov's Lyrics. *Bulletin of Buryat State University. Philology.* 2024; 3: 74–82 (In Russ.).

The article was submitted 06.09.2024; approved after reviewing 05.10.2024; accepted for publication 14.10.2024.